

— Уклоняюсь?

Инь Чжоу тут же вспомнил, как во время попытки Ся Лян он невольно подавался навстречу её руке. Он действительно пытался избежать мучений, инстинктивно уклоняясь от источника боли. Именно эта реакция напугала девушку и привела к неудаче.

— Откуда ты...

— Подозреваю, что тот, кто пытался помочь тебе до этого, просто не смог довести дело до конца. Ты не из тех, кто будет послушно сидеть и терпеть, когда кожу сдирают живьем. Это инстинктивное бегство от боли, которое почти невозможно контролировать. Если бы всё было иначе, ты бы не пришел ко мне.

Гу Цинсю легонько коснулся кончиками пальцев края отклеенного пластыря для железы. Плечи Инь Чжоу тут же рефлекторно напряглись.

— А Учитель Гу, я погляжу, большой знаток. Неужели сам через это проходил?

— Нет. Я всегда снимал пластыри сам и никогда не доводил свою железу до такого состояния. А о твоей реакции я догадался лишь потому, что хорошо знаком с физиологией Альф. И, кажется, неплохо знаю тебя самого.

Инь Чжоу прищурился. Стоя лицом к стене, он обернулся и бросил через плечо лукавый взгляд:

— О? И насколько же хорошо ты меня знаешь?

Мужчина проигнорировал провокацию. Большой палец его руки, покоившейся на плече юноши, властно надавил на кожу у самого края железы.

— Мы продолжим болтовню? Кожа уже сильно покраснела. Чем дольше мы тянем, тем хуже будут последствия. Потерпи. Закончим с этим быстро.

Хотя ощущение того, что им помыкают, было Инь Чжоу не по нутру, он понимал, что Альфа прав. Юноша медленно выдохнул.

— Ладно. Давай. Только... не слишком быстро, я могу не выдержать. Но и не тяни, иначе это превратится в пытку. И еще...

Он на мгновение замялся, но всё же решился:

— Если я начну вырываться, не жалея меня. Срывай до конца. Если мы остановимся на полпути, я просто не заставлю себя начать заново. Психологически будет тяжелее.

Бровь Гу Цинсю едва заметно дрогнула.

— Ты сам это сказал. Теперь, даже если ты попросишь меня остановиться, я не прислушаюсь.

Инь Чжоу почувствовал, как в области железы снова нарастает нестерпимый зуд. Сдерживаться, чтобы не начать чесать воспаленное место, стоило огромных усилий. Пластырь еще даже не коснулся самой железы, а юноша уже был на пределе.

Трудно было представить, что произойдет, когда дело дойдет до центра. Он всерьез опасался, что в какой-то момент просто не выдержит и велит партнеру прекратить. Но если Гу Цинсю остановится, эта «война» затянется надолго.

Поэтому он твердо произнес:

— Я... даю тебе эту власть.

Взгляд режиссера потяжелел. В глубине его глаз вспыхнул странный огонек, который Инь Чжоу не мог видеть.

— Хорошо. Прижмись к стене. Плотно. И не пытайся отталкиваться руками, чтобы противостоять мне.

До этого между телом Инь Чжоу и стеной оставалось немного пространства — он упирался ладонями в поверхность, подсознательно сопротивляясь давлению на плечо. Услышав приказ, он лишь на секунду замялся, а затем убрал руки и приник к холодной поверхности всем телом. Чтобы не утыкаться в неё лицом, он подложил левую ладонь под висок.

Теперь, пока Гу Цинсю удерживал его плечо, Инь Чжоу практически лишился возможности как-то помешать процессу. И хотя он понимал, что это делается ради его же блага, кулаки юноши произвольно сжались.

На самом деле он никогда не считал себя неженкой и умел терпеть боль. Но гиперчувствительность железы дарила совершенно экстремальные ощущения. Резкое движение Ся Лян заставило его феромоны буквально взорваться; он боялся, что когда дело дойдет до самой нежной зоны, всё будет еще хуже.

В голове теснились тысячи мыслей, но когда он снова обернулся к мужчине, на его лице

играла привычная дерзкая улыбка.

— Мы с тобой сейчас выглядим так, будто готовимся к решающему сражению, а на деле — всего лишь снимаем пластырь.

Инь Чжоу хохотнул, хотя в голосе слышалась тень напряжения:

— Моя железа... то есть, пластырь для железа отдаю в руки Учителя Гу. Смотри не вздумай издеваться надо мной, пользуясь моментом. Ха-ха, шучу. Конечно, я тебе доверяю. Но... если ты всё же что-то натворишь, тебе придется за это отвечать. По полной программе.

Гу Цинсю сейчас буквально держал его за самое уязвимое место. Стоило Альфе проявить хоть каплю жестокости, и юношу ждали бы долгие мучения.

Но тот держался непринужденно, словно происходящее его совершенно не заботило. Он даже нашел в себе силы подразнить собеседника в такой момент. Казалось, бесшабашности этого парня нет предела.

Однако Гу Цинсю стоял слишком близко. Он кожей чувствовал, как одеревенело под его рукой тело, видел, как напряглась чужая челюсть.

«Нервничает, — подумал режиссер»

Он посмотрел на Инь Чжоу сверху вниз. Этот Альфа добровольно позволил подавить себя. Не в кадре, не играя роль. В реальности он сам пришел и попросил о помощи. Видя, как отчаянно юноша пытается скрыть свой страх, Гу Цинсю ощутил в груди странное чувство.

Кадык Альфы дернулся. Он тихо, почти шепотом, произнес:

— Я не стану злоупотреблять властью, которую ты мне дал.

Инь Чжоу замер. Сердце пропустило удар, а с недавняя его тревога внезапно немного утихла.

— Это дело действительно серьезное. Если повредить железу, ты надолго застрянешь в состоянии расстройства феромонов. И это еще в лучшем случае.

Юноша открыл было рот, чтобы ответить, но Гу Цинсю резко переменялся в голосе:

— Начинаю.

С этими словами он плотнее прижал ладонь к плечу, а пальцами другой руки уверенно

захватил край пластыря и начал тянуть. Покрасневшая кожа натянулась, неохотно расставаясь с липкой основой.

Инь Чжоу затаил дыхание. Все посторонние мысли мгновенно вылетели из головы, тело натянулось как струна. Знакомая острая боль и жжение заставили вены на его висках вздуться.

Поначалу он еще мог сдерживаться. Режиссер выбрал идеальный темп: медленный, ровный, неумолимый. Он вел пластырь точно по грани того, что юноша был способен вытерпеть.

Инь Чжоу твердил себе, что не может позволить себе потерять лицо перед Гу Цинсю. Это была единственная мысль, удерживавшая его от того, чтобы закричать.

Но пластырь снимали с одного края, и площадь отклеиваемой поверхности росла. Что еще хуже — мужчина неумолимо приближался к самой железе.

Инь Чжоу чувствовал, как мелко дрожит его позвоночник. Инстинкты вопили о необходимости отпрянуть, но рука на плече держала его железной хваткой. Он был пригвожден к стене, не в силах шелохнуться.

Железа словно предчувствовала истязание: феромоны внутри забурлили, яростно атакуя рассудок Инь Чжоу. Он до крови закусил губу. Мужчина чуть замедлил движение, стараясь смягчить шок, но юноше казалось, что его медленно толкают в бездну.

Наконец он не выдержал и с силой ударил кулаком в стену. Голос его сорвался на хрип:

— Стой! Подожди... Дай передохнуть!

Ему нужно было хоть мгновение. Инстинкт Альфы требовал немедленно отбросить того, кто причинял ему эту боль.

— Потерпи еще немного, — низкий голос мужчины за спиной звучал успокаивающе.

Но юноша сейчас не был способен воспринимать утешения. Он хотел лишь одного — оказаться как можно дальше. Однако предусмотрительность Гу Цинсю лишила его выбора: перед ним была стена, за спиной — мощный Альфа. Он был зажат в тиски, и даже сил обеих рук не хватало, чтобы сбросить одну-единственную ладонь, удерживавшую его.

В следующую секунду пластырь коснулся центра железы.

В голове у Инь Чжоу помутилось. Он судорожно вдохнул воздух и замер. Феромоны хлынули наружу. Густой, терпкий аромат красного вина целенаправленной волной обрушился на Гу Цинсю.

Тот резко нахмурился. Ингибитор-спрей оказался бесполезен. В таком состоянии Инь Чжоу не контролировал себя, и его феромоны мгновенно заполнили тесную передевалку.

В ответ на этот вызов феромоны Гу Цинсю тоже пробудились.

Рассудок Инь Чжоу висел на волоске; его аромат слепо давил на противника, пытаясь заставить его отступить. Уровень Альфы был высок, и в такой ситуации даже режиссер не мог просто игнорировать этот напор. Ему пришлось выпустить собственную силу.

Гу Цинсю не стал сдерживаться. Его феромоны азартно бросились навстречу, переплетаясь и сталкиваясь в невидимой схватке. Запах красного вина был яростным, почти безумным, но аура партнера ни в чем ему не уступала. Они сошлись в жестоком клинче, подавляя друг друга.

В этот момент Инь Чжоу окончательно забыл обо всех своих обещаниях. Он больше не мог это выносить.

— Прекрати! Хватит!

Нежная железа была на пределе, нервы натянулись как истончившиеся нити. Прижатый к стене, он пустил в ход ноги, пытаясь ударить назад.

Но Гу Цинсю разгадал его маневр. Как только нога юноши приподнялась, Альфа резко подался вперед и заблокировал его движение своим коленом, чувствительно ударив под подколенный сгиб. Инь Чжоу охнул, а Гу Цинсю плотно прижал его бедро к стене.

Их ноги тесно соприкасались. В своей борьбе они постоянно терлись друг о друга, но Инь Чжоу так и не смог вернуть себе свободу. Сейчас обоим было не до двусмысленности их позы.

— Хватит! Пусти! — голос юноши совсем охрип, но он не прекращал сопротивления.

Лишенный возможности двигать ногами, он снова попытался оттолкнуться от стены. Боль выпила все силы. Ладони бессильно скользили по гладкой поверхности, издавая тихий звук. Он скреб ногтями по стене, пытаясь переключить внимание с мучительного жжения, его пальцы мелко дрожали.

Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Казалось, кто-то добрался до самого сокровенного центра его существа и медленно разрывает его на части.

— Гу Цинсю, ты слышишь меня?! Остановись! — он яростно обернулся. Его феромоны стали еще яростнее, словно невидимые лезвия.

Но власть, данную однажды, нельзя было отозвать.

— Нельзя останавливаться, — отрезал Гу Цинсю.

Он казался воплощением холодного бесстрастия. Но его феромоны вели себя куда активнее: оберегая хозяина, они в то же время стремились подавить Инь Чжоу. Они хитро «разрезали» его аромат на части, пытаясь проскользнуть в самую железу через малейшую брешь.

Гу Цинсю:

«...»

Люди влияют на феромоны, но и феромоны влияют на людей. В голове мужчины мелькнула шальная мысль: можно сделать так же, как тогда на парковке у отеля — просто вонзить свой аромат прямо в железу Инь Чжоу. Тогда юноша, скорее всего, просто впадет в полузабытье. И снять пластырь станет куда проще...

«Нет. Стоп. Это всего лишь искушение, рожденное инстинктами, — одернул себя Альфа»

Он не мог так поступить.

В этой невыносимой обстановке Гу Цинсю умудрялся одновременно удерживать Инь Чжоу, умирять собственные взбудораженные феромоны и продолжать работу. Его рука двигалась уверенно.

— Почти всё. Еще немного.

Голос режиссера внезапно стал хриплым. Рука, фиксировавшая плечо, невольно сместилась ближе к затылку. Его феромоны так и жаждали коснуться того самого места, в которое они когда-то уже проникали...

Инь Чжоу не замечал этих движений. Он не видел, как чужой аромат пытается пробраться к его железе. Силы покидали его, в голове было пусто, лишь феромоны продолжали бесконтрольно изливаться. Из его горла вырвался тихий всхлип.

— Больше не... не могу... так больно... м-м-м...

Звуки ударов тела о стену стали глухими и беспорядочными. Зажатые плечи не давали ему пошевелиться, он лишь пытался инстинктивно сжаться, подтягивая поясницу и бедра. Но Гу Цинсю крепко прижимал его своим телом.

Тогда Инь Чжоу начал отчаянно извиваться, пытаясь выскользнуть из этой ловушки. Мужчина почувствовал это движение. Он опустил взгляд, и его феромоны едва не сорвались в пике. Куда он собрался выскользнуть в таком положении?

Единственное место, куда он мог «выскользнуть» — это прямо в объятия Гу Цинсю.

подавив желание просто обхватить эту мечущуюся талию, Альфа склонился к самому уху юноши и хрипло прошептал:

— Приди в себя. Почти закончили, большая часть уже позади... Не дергайся!

Инь Чжоу не только не послушался, но, почувствовав близость мужчины, попытался оттолкнуть его локтем в грудь и даже перехватить руку, снимавшую пластырь. Локоть с глухим стуком врезался в доспех — удар Инь Чжоу был не из слабых.

Он перешел к открытому нападению. Но Гу Цинсю лишь нахмурился, игнорируя сопротивление.

— Хватит! Отпусти! Я действительно больше не выдержу! Или хотя бы... дай мне передохнуть! Гу Цинсю...

В том, как он выдохнул имя Альфы, слышалась неприкрытая мольба. Его руки больше не металась — он мертвой хваткой вцепился в одежду партнера.

Тот едва заметно вздрогнул. Услышав этот призыв, он на секунду замер. Пластырь был снят уже больше чем наполовину. Видя чужие страдания, Гу Цинсю всё же сдался. Он прекратил экзекуцию, позволяя юноше перевести дух, и немного ослабил хватку.

В ту же секунду боль отступила. Железа горела и пульсировала. Инь Чжоу с закрытыми глазами откинул голову назад. Он сделал пару шатких шагов назад.

Поскольку Гу Цинсю еще не до конца убрал ногу, Инь Чжоу едва не опустился прямо к нему на колени. Режиссер подхватил его под руки, не давая упасть. Их длинные ноги едва не переплелись в этом тесном пространстве.

Юноша тихо выругался:

— Проклятье... Боль такая, будто я через ад прошел...

Гу Цинсю смотрел на его шею, на ритмично двигающийся кадык, по которому стекали капли пота. Он выглядел таким хрупким и незащищенным. Должно быть, это был самый уязвимый Инь Чжоу, которого ему когда-либо доводилось видеть.

В переодевалке воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием.

Постепенно юноша взял себя в руки, и его феромоны утратили агрессивность. В воздухе всё еще витал аромат красного вина. Их ауры мирно сосуществовали в этой маленькой комнате.

Это было странно гармонично. Феромоны Гу Цинсю незримым коконом окутали партнера, и тот даже не сопротивлялся. Ему сейчас было просто не до того. Стоило Альфе немного расслабиться, как аромат вина ударил в голову. Его собственные феромоны осторожно и почтительно коснулись кадыка Инь Чжоу.

Трудно было сказать, было ли это осознанное желание мужчины или его подсознание взяло верх.

Поскольку Инь Чжоу никак не реагировал, Гу Цинсю, ведомый зовом феромонов, медленно склонился к его шее. Его рука невольно легла на талию юноши. До этого им мешал пластырь, но теперь преград не осталось. Он притягивал его к себе.

Они стояли почти вплотную. Инь Чжоу, отдышавший с закрытыми глазами, внезапно почувствовал, как Альфа приник к нему. Он слегка шевельнулся и, обнаружив, что Гу Цинсю не собирается его отпустить, почувствовал неладное.

— Учитель Гу? Прямо сейчас? Может, повременим?

Мужчина внезапно пришел в себя. В его глазах отразилось мгновенное смятение.

Не давая юноше опомниться, он перехватил его за талию и снова прижал к стене. От плеч до бедер. Лишь голос его прозвучал едва заметно глуше:

— Продолжим.

Инь Чжоу не заметил ни его секундного замешательства, ни истинных намерений. Он лишь судорожно вздохнул и пробормотал:

— Учитель Гу, может, всё-таки подождем? Э-э... И вовсе не обязательно прижимать меня к стене всем телом. Моя талия тебе никак не мешает.

Веки мужчины дрогнули. Он вспомнил, как эта самая талия только что извивалась прямо перед ним...

«Мешает, — подумал он, закрыв глаза»

— Мешает.

— Что?

— Чтобы не дергался.

Не давая Инь Чжоу времени на раздумья, Гу Цинсю снова взялся за пластырь.

— Ждать нельзя. Железа уже отекла. Чем дольше ждем, тем больнее будет потом. Или ты хочешь провести со мной в этой камерке весь день?

Инь Чжоу тут же отбросил все сомнения. Он лихорадочно заговорил, пытаясь отвлечься:

— Стой! Еще секунду! У меня... есть что сказать... Я бы лучше провел с тобой здесь три дня и три ночи, чем еще хоть раз наклеил эту дрянь!

Альфа действительно не стал сразу тянуть. Его взгляд на мгновение смягчился.

— Вот как? А с чего ты взял, что я соглашусь провести здесь с тобой столько времени?

— Ну... я бы попросил?

В этом «попросил» проскользнули такие нотки, от которых у Гу Цинсю по коже пробежали мурашки.

— Что ты сказал?

— Ну, попросил бы, и всё. Какая разница, я и так уже опозорился перед тобой по полной программе. Одной просьбой больше, одной меньше...

— Я могу сделать вид, что твоего позора не было. Готов? Начинаем.

Инь Чжоу не успел вставить ни слова. Пластырь резко дернулся, и юноше показалось, что по его железу с размаху ударили хлыстом с зазубринами.

— Гу Цинсю!

В этот самый момент в дверь передевалки яростно забарабанили.

Донесся перепуганный голос Ши Инь:

— Брат Гу! Что вы там делаете?! Только не вздумайте драться! Откройте дверь! Я... я вхожу!

Она взялась за дверную ручку.

Гу Цинсю понимал, что останавливаться нельзя. Продолжая тянуть пластырь, он негромко произнес:

— Закрой рот рукой, если не хочешь, чтобы она нас застучала.

А затем громче, в сторону двери:

— Всё в порядке. Не входи.

Ши Инь замерла:

— Правда? Но я слышала голос Учителя Иня! Он... он в порядке?

— Да.

На самом деле помощница уже давно была на иголках. Почти с самого момента, как они заперлись, она слышала звуки, которые становились всё более странными. Ей показалось, или Брат Чжоу действительно... кричал «хватит»?

У Ши Инь на мгновение мелькнула совершенно неприличная мысль, но она тут же её отбросила — эти двое просто не могли позволить себе подобное в гримерке. Значит, они всё-таки подрались! Разум твердил, что это невозможно, но другого объяснения не находилось. А когда она почувствовала волны феромонов, версия с дракой стала казаться единственно верной.

Однако, услышав спокойный голос Гу Цинсю, она всё же решила довериться ему. Девушка осталась стоять у двери, сгорая от беспокойства.

Внутри Инь Чжоу изо всех сил прижимал ладонь к губам, пока Гу Цинсю наконец полностью не содрал пластырь. Юноша тут же обмяк и начал оседать на пол. Тот снова подхватил его за талию и осторожно помог опуститься. Феромоны быстро вернулись под контроль.

Инь Чжоу сидел, прислонившись к нему, и тяжело хватал ртом воздух. Яркий свет ламп заливал его лицо; кожа была покрыта мелким бисером пота. На губах виднелись отчетливые следы от зубов.

— Как там... моя железа?

Гу Цинсю отвел взгляд от его затылка.

— Когда вернешься, нанеси лекарство. Выглядит неважно.

Он не стал говорить, что сейчас железа Инь Чжоу была похожа на нежнейший, сочащийся розовый бутон. Она буквально притягивала взгляд.

Юноша взял в руки злосчастный пластырь размером с ладонь.

— Я... я сожгу эту дрянь!

— Хорошо.

Альфа помедлил, а затем протянул руку и осторожно провел пальцем под глазом партнера, собирая капельку влаги.

— Плакал?

Инь Чжоу тут же вытер лицо.

— Никто не плакал. Это физиологическая реакция.

Гу Цинсю негромко усмехнулся:

— Ах да. Я и забыл, что ты у нас ничего не боишься. Тебя ведь невозможно довести до слез какой-то там болью.

Юноша лишь промолчал, не зная, что возразить.

В этот момент телефон в его кармане завибрировал. Звонила Ся Лян. Он поднялся на ноги и ответил, не заметив, как Гу Цинсю задумчиво растер между пальцами его слезу.

— Сестра Ся, я уже снял пластырь.

— Это хорошо. Но скажи мне, Инь Чжоу... ты что, подрался с Гу Цинсю?

Её голос был отчетливо слышен и стоящему рядом Альфе. Юноша удивленно вскинул бровь:

— Подрался? Откуда такие новости?

— Что?! Так это правда?! Ваша драка уже в топах всех соцсетей! Что вы там устроили?!

Он опешил и невольно огляделся по сторонам.

— Не может быть... Нас что, в прямом эфире транслировали?

Гу Цинсю:

«...»

<http://bllate.org/book/15873/1500785>